

Вишнёвая
косточка

Воспоминания
и публицистика

Юрий Олеша

**ВИШНЁВАЯ
КОСТОЧКА**

**ВОСПОМИНАНИЯ
И ПУБЛИЦИСТИКА**

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4(2Рос=Рус)
О-53

Олеша, Ю.

О-53 Вишнёвая косточка. Воспоминания и публицистика / Ю. Олеша. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 536 с.

ISBN 978-5-521-74645-3

Юрий Карлович Олеша — признанный классик отечественной литературы XX века и признанный мастер русской словесности. Его произведения отличает удивительная особенность — будь то пьеса, рассказ или роман — это всегда маленький шедевр, в котором каждое слово стоит на своём месте. Олеша — один из немногих писателей, которым было дано право прикоснуться словом к сути окружающего, как говорил сам автор, «по существу о самом себе, размышления о двух мирах, если угодно — о положении искусства в новом обществе».

В настоящее издание помимо авторского сборника ранних рассказов «Вишнёвая косточка», написанного в конце 20-х годов в самом начале творческой деятельности, вошёл сборник «Я смотрю в прошлое», а также воспоминания и публицистические статьи и эссе.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74645-3

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Текст. Ю. Олеша, наследники, 2019

ВИШНЕВАЯ КОСТОЧКА

ЛЮБОВЬ

Шувалов ожидал Лелю в парке. Был жаркий полдень. На камне появилась ящерица. Шувалов подумал: на этом камне ящерица беззащитна, ее можно сразу обнаружить. «Мимикрия», — подумал он. Мысль о мимикрии привела воспоминание о хамелеоне.

— Здравствуйте, — сказал Шувалов. — Не хватало только хамелеона.

Ящерица убежала.

Шувалов поднялся в сердцах со скамейки и быстро пошел по дорожке. Его охватила досада, возникло желание воспротивиться чему-то. Он остановился и сказал довольно громко:

— Да ну его к черту! Зачем мне думать о мимикрии и хамелеоне? Эти мысли мне совершенно не нужны.

Он вышел на полянку и присел на пенек. Летали насекомые. Вздрагивали стебли. Архитектура летания птиц, мух, жуков была прозрачна, но можно было уловить кое-какой пунктир, очерк арок, мостов, башен, террас — некий быстро перемещающийся и ежесекундно деформирующийся город.

«Мною начинают распоряжаться, — подумал Шувалов. — Сфера моего внимания засоряется. Я становлюсь эклектиком. Кто распоряжается мною? Я начинаю видеть то, чего нет».

Леля не шла. Его пребывание в саду затянулось. Он прогуливался. Ему пришлось убедиться в существовании многих пород насекомых. По стеблю ползла букашка, он снял ее и посадил на ладонь. Внезапно ярко сверкнуло ее брюшко. Он рассердился.

— К черту! Еще полчаса — и я стану натуралистом.

Стебли были разнообразны, листья, стволы; он видел травинки, суставчатые, как бамбук; его поразила многоцветность того, что называют травяным покровом; многоцветность самой почвы оказалась для него совершенно неожиданной.

— Я не хочу быть натуралистом! — взмолился он. — Мне не нужны эти случайные наблюдения.

Но Леля не шла. Он уже сделал кое-какие статистические выводы, произвел уже кое-какую классификацию. Он уже мог утверждать, что в этом парке преобладают деревья с широкими стволами и листьями, имеющими трефовую форму. Он узнавал звучание насекомых. Внимание его, помимо его желания, наполнилось совершенно неинтересным для него содержанием.

А Леля не шла. Он тосковал и досадовал. Вместо Лели пришел неизвестный гражданин в черной шляпе. Гражданин сел рядом с Шуваловым на зеле-

ную скамью. Гражданин сидел, несколько понурившись, положив на каждое колено по белой руке. Он был молод и тих. Оказалось впоследствии, что молодой человек страдает дальтонизмом. Они разговаривались.

— Я вам завидую, — сказал молодой человек. — Говорят, что листья зеленые. Я никогда не видел зеленых листьев. Мне приходится есть синие груши.

— Синий цвет несъедобный, — сказал Шувалов. — Меня бы стошнило от синей груши.

— Я ем синие груши, — печально повторил дальтоник.

Шувалов вздрогнул.

— Скажите, — спросил он, — не замечали ли вы, что когда вокруг вас летают птицы, то получается город, воображаемые линии?..

— Не замечал, — ответил дальтоник.

— Значит, весь мир воспринимается вами правильно?

— Весь мир, кроме некоторых цветовых деталей. — Дальтоник повернул к Шувалову бледное лицо.

— Вы влюблены? — спросил он.

— Влюблен, — честно ответил Шувалов.

— Только некоторая путаница в цветах, а в остальном — все естественно! — весело сказал дальтоник. При этом он сделал покровительственный по отношению к собеседнику жест.

— Однако синие груши — это не пустяк, — ухмыльнулся Шувалов.

Вдали появилась Леля. Шувалов подпрыгнул. Дальтоник встал и, приподняв черную шляпу, стал удаляться.

— Вы не скрипач? — спросил вдогонку Шувалов.

— Вы видите то, чего нет, — ответил молодой человек.

Шувалов запальчиво крикнул:

— Вы похожи на скрипача.

Дальтоник, продолжая удаляться, проговорил что-то, и Шувалову послышалось:

— Вы на опасном пути...

Леля быстро шла. Он поднялся навстречу, сделал несколько шагов. Покачивались ветви с трезловыми листьями. Шувалов стоял посреди дорожки. Ветви шумели. Она шла, встречаемая овацией листы. Дальтоник, забиравший вправо, подумал: «А ведь погода-то ветрена», — и посмотрел вверх, на листву. Листва вела себя, как всякая листва, взволнованная ветром. Дальтоник увидел качающиеся синие кроны. Шувалов увидел зеленые кроны. Но Шувалов сделал неестественный вывод. Он подумал: «Деревья встречают Лелю овацией». Дальтоник ошибался, но Шувалов ошибался еще грубее.

— Я вижу то, чего нет, — повторил Шувалов.

Леля подошла. В руке она держала кулек с абрикосами. Другую руку она протянула ему. Мир стремительно изменился.

— Отчего ты морщишься? — спросила она.

— Я, кажется, в очках.